

Тан Чжо на мгновение оцепенел от неожиданности и испуга. Он лишь глупо таращил глаза, совершенно забыв о том, что нужно сопротивляться.

– М-м...

Когда до него наконец дошло, что именно вытворяет Цзюнь Яньсин, он попытался приоткрыть рот, чтобы что-то сказать, но тот мгновенно воспользовался моментом и властно вторгся внутрь.

Цзюнь Яньсин слегка прищурился. Рассудок был полностью захвачен алкоголем, и он больше не желал сдерживаться. Он плотно сомкнул губы на тех самых губах, о которых так долго и мучительно грезил, и наконец-то получил желаемое. Губы Тан Чжо оказались в точности такими же мягкими и полными, как он себе представлял – упругими, словно дорогой мармелад, а на вкус – с нежным, обволакивающим сладким ароматом спелого персика.

– Чмок, чмок...

В тишине комнаты раздались двусмысленные, влажные звуки поцелуев.

Когда Тан Чжо в очередной раз попытался заговорить, Цзюнь Яньсин, уже не удовлетворенный простым посасыванием губ, воспользовался случаем и поцеловал его еще глубже. Он настойчиво проник языком в рот Тан Чжо, сплетаясь с ним в горячем танце и слизывая капли слюны. Вкус Тан Чжо оказался куда более восхитительным, чем в самых смелых ночных фантазиях. Это тесное сплетение губ и зубов вызвало неконтролируемую дрожь во всем теле и самой душе, а сладкий аромат персика пьянил сильнее любого алкоголя и затягивал в омут страсти глубже, чем самый крепкий никотин.

Цзюнь Яньсин еще крепче обхватил Тан Чжо руками, почти до боли прижимая его к себе в этом глубоком, изнуряющем поцелуе.

– Бах!

Стул, стоявший у самой кровати, не выдержал, опрокинулся и с грохотом ударился об пол.

Тан Чжо, который до этого сидел на стуле, подавшись вперед, теперь оказался полностью прижат Цзюнь Яньсином к мягкому матрасу. Голени непроизвольно приподнялись, домашние тапочки слетели, и теперь ступни жалко повисли в воздухе, а пальцы судорожно поджались от переизбытка чувств.

– М-м-м!

Кислород в легких стремительно заканчивался, и сильное чувство удушья начало причинять Тан Чжо настоящую физическую боль. Он обеими руками отчаянно отталкивал Цзюнь Яньсина, пытаясь остановить этот натиск, но сила мужчины была просто пугающей. Тан Чжо не мог ни вырваться из этих стальных оков, ни заставить Цзюнь Яньсина прекратить яростные притязания.

Как раз в тот момент, когда сознание Тан Чжо начало меркнуть от нехватки воздуха, он почувствовал, как Цзюнь Яньсин, по-прежнему не отпуская его, перевернулся, позволяя ему наконец лечь на матрас. Полной свободы он так и не получил, но яростный, штормовой поцелуй внезапно стал мягче.

Цзюнь Яньсин одной рукой крепко обнимал его, а другой бережно поддерживал лицо, целуя снова и снова – медленно, нежно и с какой-то неожиданной трепетностью.

Это было ласково, почти благоговейно и бесконечно тягуче.

В этой короткой передышке Тан Чжо наконец смог вдохнуть порцию свежего воздуха, и движения, направленные на сопротивление, постепенно стихли.

«Во время поцелуя можно дышать носом».

Эта фраза внезапно промелькнула в голове, хотя он и не помнил, в каком именно сериале ее слышал. Тан Чжо, окончательно одурманенный поцелуем, перестал задерживать дыхание.

В грудь хлынул кислород, боль отступила, и другие сенсорные ощущения стали отчетливее.

Влажные и мягкие губы, язык Цзюнь Яньсина, обжигающее дыхание на лице и эта... нежная, полная бережности сила...

- Тук-тук... Тук-тук...

Он отчетливо слышал, как бешено колотится сердце, как кровь стремительно бежит и бурлит в жилах.

Когда поцелуй наконец закончился, Тан Чжо, затуманенным взглядом уставившись в потолок, тихо и прерывисто дышал. А виновник всего происходящего, склонив голову, ласково прильнул к его плечу и шее. Он обнимал его с таким видом, словно заявлял на него исключительные права; глаза были плотно закрыты, дыхание стало ровным – он уже провалился в глубокий, спокойный сон. Если присмотреться, можно было заметить, что уголки его губ слегка приподняты в довольной, почти кошачьей улыбке.

Прошло много времени, прежде чем Тан Чжо наконец протянул руку и попытался толкнуть Цзюнь Яньсина в плечо. Однако он почувствовал, что руки и ноги стали совершенно ватными, словно все жизненные силы вытянуло тем самым поцелуем. Ему пришлось замереть и немного передохнуть, прежде чем он, собрав последние остатки воли, оттолкнул бесчувственного Цзюнь Яньсина.

Полежав на кровати и окончательно отдышавшись, Тан Чжо с трудом поднялся. Выражение его лица все еще оставалось растерянным, а щеки покраснели, как у вареной креветки. Вставая с кровати, он по привычке натянул одеяло, заботливо укрывая Цзюнь Яньсина, и только после этого поспешно покинул гостевую спальню.

Тан Чжо старался выглядеть относительно спокойным, но, ступая босыми ногами по холодному полу, он, слегка прихрамывая, вернулся в главную спальню. Как только он оказался в своей комнате, то буквально рухнул на кровать и завернулся в одеяло, как в плотный кокон, оставив снаружи только раскрасневшееся, похожее на спелый помидор лицо.

Только сейчас Тан Чжо окончательно пришел в себя.

Только что... только что... он целовался с Цзюнь Яньсином!

(/o/-/o/)

Волны жара накатывали одна за другой. Ему казалось, что лицо горит, словно извергающийся вулкан, а все тело охватил нестерпимый, обжигающий зной.

Что вообще происходит...

Почему Цзюнь Яньсин внезапно полез целоваться?!

Конечно, сейчас куда важнее был другой вопрос.

Тан Чжо сжал одеяло обеими руками, подсознательно прикусив распухшие от поцелуя губы. В результате легкое покалывание отчетливо напомнило о прикосновениях Цзюнь Яньсина. Он невольно издал тихий, сдавленный стон, подался вперед и, свернувшись калачиком на простынях, заерзал, отчего его одеяльный кокон начал комично перекатываться по кровати.

Прошло много времени, но странные, пугающие изменения в теле никак не утихали.

Будь то бешено колотящееся сердце или этот сбивающий с толку жар – все, казалось, твердило одно: ему очень, очень понравился этот поцелуй.

Ему... действительно нравится целоваться с Цзюнь Яньсином.

≥□≤

Тан Чжо стало невыносимо стыдно от этого осознания. Разве это... не является предательством по отношению к его альфе?

В конце концов, он находится в этом мире всего полмесяца, и Тан Чжо не терял надежды вернуться домой, как и не забывал о будущем партнере, назначенном государством.

Однако...

Он ведь виделся с тем альфой всего один раз, хотя, по общим правилам, после согласия на вторую встречу они должны были зарегистрировать брак в течение месяца. Но на самом деле они совершенно не знали друг друга.

Тан Чжо медленно лег на бок, глядя в пустоту на ночник у кровати. Хотя брак его родителей тоже был основан на системе совместимости феромонов, они очень любили друг друга, и он вырос в атмосфере искренней любви. Но, вспоминая «Тан Чжо» из этого параллельного мира и разрушенный брак его родителей, он не мог не задуматься: если бы не феромоны, любили бы его папа и мама друг друга так же сильно?

Он в этом мире, из-за условий воспитания, относился к браку и любви пессимистично и жил с мыслью, что лучше остаться в полном одиночестве, чем не встретить настоящую любовь.

Так... обязательно ли их отношения с тем альфой станут настоящей любовью?

Девяносто девять процентов совместимости – это, конечно, очень много, но что, если однажды появится человек с совместимостью 99,9% или даже сто процентов? Будут ли они тогда по-прежнему считаться сужеными друг для друга?

Более того...

Омега после принятия метки отдает тело и душу своему альфе, и в период течки только феромоны партнера могут его успокоить. Альфа же, обретя своего омегу, больше не теряет рассудок под влиянием феромонов других омег, но это вовсе не значит, что альфа может пометить только одного-единственного омегу.

Поэтому, если в будущем появится омега с более высокой совместимостью, привлечет ли он его альфу?

Хотя это были лишь предположения, Тан Чжо все равно было неприятно. Альфа может легко изменить, и цена этого предательства для него невелика, но для омеги – нет. При такой высокой совместимости, приняв метку, омега полностью принадлежит этому альфе. Даже если партнер совершит что-то ужасное, даже если возникнет глубокое отвращение, омега не сможет контролировать тело из-за влияния феромонов, особенно когда полностью теряет рассудок в период течки.

Конечно, воспитание не позволяло Тан Чжо думать о своем альфе так плохо, но...

Если бы он сейчас вернулся в свой мир, он, возможно, уже не смог бы, как раньше, всей душой полюбить незнакомца и полностью довериться ему. Он хотел бы иметь больше времени на общение, хотел бы понаблюдать за поведением, характером, взглядами на жизнь и привычками, а еще – понять, действительно ли он сам этого хочет...

Тан Чжо перевернулся на другой бок, и мысли снова вернулись к нынешней ситуации. При воспоминании о том поцелуе... он не удержался и натянул одеяло на голову.

Так почему же Цзюнь Яньсин поцеловал его?

Это доставило ему небывалые неприятности! Но какая бы ни была причина, это точно не та причина, на которую он мог бы надеяться...

Они одного пола. Цзюнь Яньсин не мог сделать это из-за любви к нему. Он просто слишком много выпил, разум был затуманен, возможно, он даже не понимал, кто именно находится перед ним.

От этой мысли Тан Чжо стало немного грустно. Это ведь был его самый первый поцелуй. Хотя... ощущения действительно были довольно приятными... (/□/

Наступило утро. Небо было чистое и ясное.

В гостевой спальне шторы не были задернуты, и яркий утренний свет беспрепятственно пробивался сквозь стекло, разгоняя остатки тьмы. Спящая на кровати фигура, потревоженная ослепительным сиянием, вскоре нахмурилась. Дрогнув длинными ресницами, он открыл глаза и медленно проснулся.

Глядя на свет, горевший всю ночь, на незадернутые шторы и чувствуя тянущую головную боль от похмелья, Цзюнь Яньсин нахмурился еще сильнее. Он потер виски большим и указательным

пальцами и, тяжело опираясь на матрас, сел.

Как он вернулся вчера вечером?

Цзюнь Яньсин попытался восстановить события в памяти и смутно припомнил, что сел в машину Ся Чуньчжэна...

Ся Чуньчжэн?

Он замер, и на душе стало как-то странно. В прошлой жизни Ся Чуньчжэн был одним из немногих людей, кому он мог безоговорочно доверять, иначе он бы просто не помнил его номер телефона. Только он не ожидал, что в пьяном виде, по старой привычке из прошлой жизни, свяжется с ним, а Ся Чуньчжэн не обманет доверия и безопасно доставит домой – несмотря на то, что в этой жизни они были почти незнакомы.

Из-за похмелья воспоминания оставались смутными, и Цзюнь Яньсин не слишком беспокоился о том, что мог сказать что-то лишнее. Это было не в его характере: даже будучи пьяным, он обычно сохранял... определенное самообладание...

Когда его взгляд упал на таз с водой у кровати и полотенце, небрежно упавшее на пол, Цзюнь Яньсин медленно замер, а затем и вовсе оцепенел.

Воспоминания о второй половине вечера внезапно нахлынули на него, вызвав потрясение, которое было невозможно описать словами. Он тупо поднял руку и коснулся губ.

Вчера вечером... он...

Поцеловал Тан Чжо?

Воспоминания всплывали одно за другим, четкие и яркие. По мере того как память прояснялась, Цзюнь Яньсин словно физически чувствовал на губах остатки тепла и мягкости Тан Чжо, а слабый аромат персика, витавший в комнате, казалось, стал еще гуще и ощутимее.

Сердце снова забилося в неритмичном, сбивчивом танце. Цзюнь Яньсин сглотнул, не в силах сдержать внезапный порыв. Однако всплыли и другие детали – сопротивление Тан Чжо отчетливо стояло перед глазами.

Цзюнь Яньсин невольно посмотрел на закрытую дверь спальни. В его темных, глубоких глазах больше не было привычного спокойствия и безразличия – в них появилось редкое для него, почти детское смятение.

<http://bllate.org/book/18547/1789296>